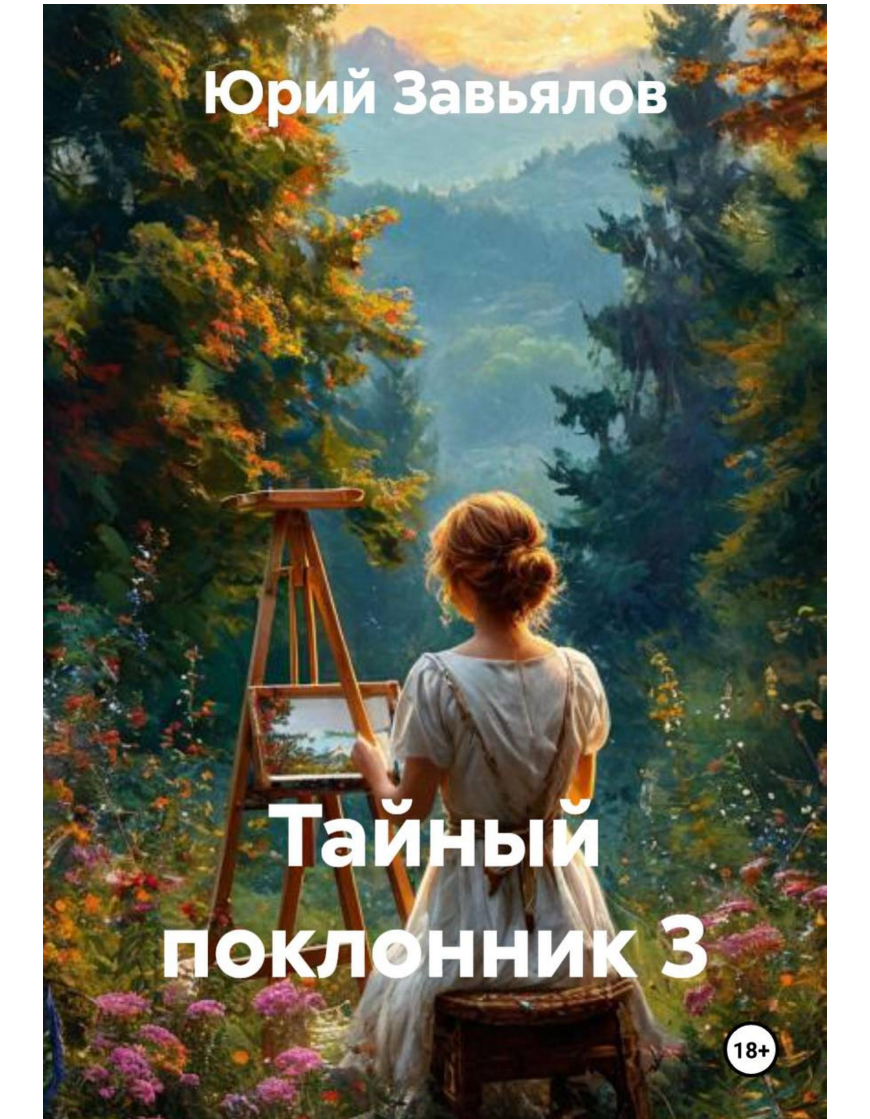

A detailed oil painting of a woman with blonde hair in a bun, wearing a white dress, seen from behind as she sits on a wooden stool and paints a landscape on a canvas mounted on an easel. She is in a lush forest with vibrant autumn foliage in shades of orange, red, and yellow. In the background, a misty mountain range is visible under a soft, golden light. The overall style is romantic and atmospheric.

Юрий Завьялов

Тайный
поклонник 3

18+

Юрий Завьялов
Тайный поклонник 3
Серия «Тайный поклонник», книга 3

<https://litres.ru/73528357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мэри каждое утро встречала у мольберта. После пережитого каждое утро было подарком, шанс начать жизнь заново. Но она ещё не знала, какие испытания её ждут впереди...

Содержание

Глава 1: Свет после тьмы	4
Глава 2: Вызов судьбе	8
Глава 3: Зов из темноты	12
Глава 4: Встреча с пеплом	16
Глава 5: Воспоминания сквозь пепел	20
Глава 6: Ритуал прикосновений	23
Глава 7: География шрамов	27
Глава 8: Наблюдатель	31
Глава 9: Испытание на прочность	35
Глава 10: Расплата за искру	40
Глава 11: Глухая стена	45
Глава 12: Окружение	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юрий Завьялов

Тайный поклонник 3

Глава 1: Свет после тьмы

Каждое утро Мэри встречала у мольберта. Чамин, как всегда, укладывался у ее ног, согревая своим теплом. После пережитого, каждое утро было подарком, шанс начать жизнь заново. Картины становились её способом выразить то, что невозможно было сказать словами. Яркие цвета, смелые мазки – так Мэри пыталась оставить позади тьму, заполнив холст светом и надеждой. Сегодня на мольберте был почти закончен пейзаж – восход солнца над туями Смарагд, которые Мэри когда-то сама посадила. В нем было столько света, что казалось, он согревал комнату.

Мэри любила работать с большими холстами, используя широкие кисти и яркие акриловые краски. Иногда она добавляла в краску немного текстурной пасты, чтобы придать своим работам объем и выразительность. Она чувствовала, как с каждым мазком уходит напряжение, а на его место приходит спокойствие и умиротворение. Рисование стало для нее своего рода медитацией, способом отпустить прошлое и сосредоточиться на настоящем.

Сара, её лучшая подруга, приехала, как обычно, с огромным латте и свежими новостями из города. "Твоя выставка – главное событие месяца!" – воскликнула она, входя в дом.

"Все говорят только о тебе и твоих картинах".

Дом, который когда-то подарил Мэри Jerzy, теперь был её убежищем, местом, где она чувствовала себя в безопасности. Она перекрасила стены в светлые тона, добавила много комнатных растений и повесила свои картины, чтобы создать атмосферу уюта и гармонии. Тяжелые бархатные шторы, которые так любил Jerzy, сменили легкие, светлые занавески.

"Это благодаря тебе," – улыбнулась Мэри, отрываясь от холста. "Ты всегда меня поддерживаешь".

"Глупости! У тебя невероятный талант", – отмахнулась Сара.

"Но знаешь... в галерее какой-то ажиотаж. Все хотят купить твои картины. Приходят люди... очень разные люди". Сара вздохнула, присаживаясь на диван.

"Вчера один мужчина предложил за твой пейзаж с маками сумму, втрое превышающую заявленную цену. Он был очень настойчив, но я отказала".

Мэри нахмурилась. Слава может быть опасной. Но она отказывалась позволить страху снова взять верх. Она продолжит рисовать, продолжать делиться своим светом с миром. "Спасибо, что оберегаешь меня, Сара", – сказала Мэри, обнимая подругу. "Я не знаю, что бы я без тебя делала".

"Всегда, пожалуйста", – ответила Сара, улыбаясь. "Но зна-

ешь... Тебе предложили дать интервью для... одного журнала. Очень влиятельного".

Мэри нахмурилась. "Интервью? Я не уверена...". Она все еще чувствовала себя уязвимой, не готовой снова выставлять свою жизнь на всеобщее обозрение. Она помнила, как тяжело далось ей первое интервью после всего случившегося.

"Я понимаю", – сказала Сара. "Но это может помочь тебе... и твоим картинам. Кроме того, они пообещали полную конфиденциальность. Никаких личных вопросов, только об искусстве".

Мэри задумалась. Возможно, Сара права. Это шанс рассказать свою историю миру, не раскрывая слишком много. Но что-то внутри нее сопротивлялось. Она подошла к окну и посмотрела на лес. Картина с маяком, которую она закончила на прошлой неделе, немного успокоила ее. Jerzy всегда говорил, что маяки – символ надежды.

"Хорошо", – наконец сказала она. "Я согласна. Но ты будешь рядом, ладно?"

Интервью прошло на удивление гладко. Журналист казался искренним и заинтересованным только в ее творчестве. Он был хорошо подготовлен и задавал интересные вопросы о ее технике, вдохновении и планах на будущее. Но после интервью, когда они прощались, он бросил взгляд на одну из самых мрачных картин Мэри и спросил: "Эта... о нем?"

Мэри похолодела. Как он узнал? Кто рассказал ему?

"Это личное". – Резко ответила она.

Журналист лишь загадочно улыбнулся. "Все искусство – личное, Мэри. Но некоторые истории лучше оставить в прошлом". И ушел, оставив Мэри в полном замешательстве и страхе. Она почувствовала, как прошлое надвигается на нее, словно темная туча, грозящая обрушить на нее новую бурю.

Глава 2: Вызов судьбе

Мэри вернулась домой в состоянии сильного беспокойства. Слова журналиста эхом отдавались в голове, вызывая неприятные воспоминания. Она легла в постель, но сон не шел. Перед глазами мелькали обрывки кошмаров, смешиваясь с картинками из прошлого. Она приняла снотворное, но это не помогло. Под утро ей удалось немного поспать, но проснувшись она разбитой и уставшей.

Едва проснувшись, Мэри позвонила Саре. "Мне страшно, – призналась она. – Журналист... он знал о Jerzy. Кто-то сказал ему".

"Мэри, успокойся, – ответила Сара. – Ты просто преувеличиваешь. Может, он случайно услышал где-нибудь об этом. Не накручивай себя".

Но Мэри не могла успокоиться. Она решила выяснить, кто рассказал журналисту о ее прошлом. Она позвонила в редакцию журнала и попросила номер телефона журналиста, который брал у нее интервью на выставке. Ей без проблем дали номер, но когда она попыталась позвонить, услышала в ответ лишь: "Данный номер не обслуживается в зоне действия сети". Она попыталась найти хоть какую-то информацию о журналисте – Джейси – в интернете. Упоминались лишь его старые статьи. Мэри отложила эту проблему в сторону.

Шло все своим чередом: кофе с утра, пробежка с Чами-

ном, фитнес и любимая работа в школе, где она подменяла учителей, уходящих в отпуска. Ей нравилось работать с детьми, делиться своими знаниями и вдохновлять их на творчество.

В выходные Мэри рисовала. Когда была хорошая погода, она выходила в лес и творила там, в тишине, нарушаемой лаем Чамина, который гонялся за белками на пушистых елях. Она пыталась забыть о своих страхах и тревогах, погружаясь в мир красок и линий.

Вернувшись, домой, она услышала звонок телефона. Это был тот самый журналист с выставки, с которым она пыталась связаться. Он представился как Джейси. "Я знаю, вам интересно, кто рассказал мне о Jerzy, – произнес он. – У меня есть кое-что для вас. Предлагаю встретиться в кафе сегодня вечером".

Мэри не хотела этого. Ей чудилось неладное.

Но Джейси заинтриговал ее. Мэри согласилась, но с условием, что это будет короткая встреча в кафе, так как у нее слишком мало времени и много дел.

Мэри приехала в кафе, где ее уже ждал Джейси. Он был одет в темный плащ и шляпу, что делало его похожим на персонажа из старого фильма. Его глаза были скрыты за темными очками, а на лице играла загадочная улыбка.

Они поздоровались, и Джейси сразу перешел к делу. Он рассказал, что был знаком с Jerzy и печатал его небольшие статьи и стихи. "У меня остался стих Jerzy, который мы го-

товили к печати, но в последний момент Jerzy решил его не освещать на широкую публику. Он хотел забрать рукописи, но у нас так и не получилось встретиться".

Мэри спросила, почему Джейси решил отдать это ей, ведь у Jerzy есть жена Лана.

Джейси сказал, что пробовал связаться с ней, но ему по секрету сказали, что Лана забрала детей и улетела в другую страну после случившегося. "А еще на конверте было написано имя Мэри", – добавил Джейси и передал потертый конверт.

Джейси попрощался и ушел, оставив Мэри в полном замешательстве.

Мэри взяла конверт и отправилась с ним домой. Приехав домой, Мэри заварила себе чашку любимого чая, села на диван, накрывшись пледом. Рядом уже развалился Чамин. Мэри не спеша открыла конверт.

Там было стихотворение с названием "Откровение":

"Скажи, а в чём моя вина?!

Я не был с тобой груб,

Не распускал я лживых сплетен,

Я даже не касался твоих губ,

Но стал тебе совсем не интересен.

Постой... Я даже запаха твоего не знаю...

Быть может, луговых цветов дурман,

Их нежный плен, что сердце увлекает

И будит в памяти забытый стан.
А знаешь, я никогда не упускал тебя из виду!
Хотя, казалось, может, что я как — будто далеко
И находиться от тебя на расстоянии,
Поверь, мне было очень нелегко.
Быть может, я виновен в том, что слаб,
Что не сумел прорваться сквозь броню,
Что мой невысказанный вопрос застрял
В груди, как камень, разжигая боль мою.
Но знай, я в памяти храню твой образ светлый,
Как солнца луч в осенней серой мгле.
И пусть судьба нам не дала ответа,
Любовь жива, хоть и живёт во мне..."

Мэри перечитала стихотворение несколько раз. Строки проникали в самое сердце, вызывая бурю эмоций. Она вспомнила анонимные письма, которые получала несколько лет назад. Тогда ей казалось, что это просто чья-то неудачная шутка. Но теперь, читая эти стихи, она понимала, что за ними стояли настоящие чувства. Чувства человека, который любил ее издалека, не смея приблизиться...

Глава 3: Зов из темноты

Когда Мэри попыталась выбросить из головы слова Джейси, это было всё равно, что пытаться пришить бабочку крыльями к стене – тщетно. Образ его скользкой, уверенной улыбки, тонкие намеки, которые он вплетал в каждое свое высказывание, словно ядовитые нити, проникали в ее сознание, искажая реальность, которую она так старательно строила. Она перебирала в памяти каждый разговор, каждую встречу, пытаясь уловить, где же он мог взять такую информацию. Но Джейси был призраком, фигурой, мелькнувшей на периферии, чью реальность невозможно было измерить.

И вот, посреди этой внутренней бури, телефон в ее квартире, который обычно молчал, ожил. Незнакомый номер. Она колебалась, вспоминая предупреждение Сары о том, что "некоторые люди не должны знать, что ты здесь". Но любопытство, смешанное с ледяным страхом, пересилило.

– Алло? – голос Мэри дрогнул, словно осенний лист на ветру.

– Мисс Мэри? – голос на другом конце был низким, чуть хрипловатым, обволакивающим, словно сам дым от сигарет, который она так любила в прошлом *с ним*. – Это я, Джейси. Надеюсь, я не сильно отвлекаю вас от ваших... шедевров.

Сердце Мэри замерло, а потом пустилось вскачь, словно

загнанный зверь.

– Откуда у вас мой номер? – это был скорее выдох, чем вопрос.

– Я же говорил, Мисс Мэри, я всегда в курсе событий, касающихся вас. Особенно тех, что имеют к вам прямое отношение. – В его голосе звучала снисходительная игривость, которую она находила одновременно отталкивающей и притягательной. – Мне кажется, я могу предложить кое-что еще, что развеет твои сомнения. Ты ведь сомневаешься, верно? Сомневаешься, что твой любимый Jerzy мог выжить.

Ее пальцы сжали трубку до побеления костяшек. «Любимый». Это слово, произнесенное им, звучало как насмешка, но в то же время... оно попадало в самую точку.

– Что ты хочешь? – она старалась говорить твердо, но в ее голосе проскальзывала мольба, скрытая под слоями отчаяния.

– Ничего особенного. Лишь твоё внимание. И, возможно, ответ на один, очень важный для тебя вопрос. Я знаю, что Лана уехала, чтобы начать новую жизнь. Иногда, Мисс Мэри, чудеса случаются. Но для этого нужно... подходящее стечение обстоятельств. И, конечно, готовность самой Мэри.

– Готовность к чему?

– К тому, чтобы встретиться с прошлым. Со всем, что от него осталось.

Пауза. Долгая, мучительная пауза, в которой Мэри слышала только стук собственного сердца.

– Я могу отправить тебе кое-что. Доказательство. Или, скажем так, приглашение. Не думаю, что ты сможешь его проигнорировать. – В его голосе появилось что-то новое, почти... уважительное? Или это была просто еще одна маска? – Через час. Будет доставка. Не удивляйся.

Звонок оборвался. Мэри стояла, прижимая телефон к уху, словно ожидая, что он зазвонит снова. Она чувствовала себя использованной, но в то же время, в глубине души, зародилась хрупкая, но сильная надежда. Надежда, которая была так же опасна, как вспышка молнии в грозовую ночь. Он жив. Эта мысль, словно наркотик, проникала в ее сознание, затапливая все страхи, все сомнения.

Ровно через час раздался звонок в дверь. Сара, с настороженным видом, открыла. На пороге стоял курьер в невзрачной униформе, такой же безликой, как и сам город. Он протянул небольшой, обернутый в простую бумагу пакет, и получив подпись, тут же удалился.

– От кого это? – спросила Сара, подозрительно разглядывая пакет.

– От... прошлого, – прошептала Мэри, беря его в руки.

Когда она развернула бумагу, ее охватил шок. Там лежал небольшой, потемневший от времени, но не истлевший окурок. Тот самый, с характерной серебристой "короной" на фильтре, который Jerzy всегда докуривал до конца. А под ним, на отдельном листке, были напечатаны лишь несколько строк:

Мне не хватило смелости сказать тебе, что каждый вдох мой был лишь ради твоего. Весь я – лишь тень, но тень, что всегда видела свет лишь в тебе. Неважно, сколько пепла покрывает мой прах, я помню привкус твоих губ. И если огонь забрал тело, он не мог забрать душу, что принадлежит тебе.

Твой Jerzy.

Слёзы хлынули из глаз Мэри. Это было не просто письмо. Это было *его* последнее послание, пережившее огонь, пережившее боль, пережившее всё. Привкус губ. Душа, принадлежащая ей. Это было не просто подтверждение того, что он жив. Это было клеймо его любви, выжженное на ее сердце.

Она подняла глаза на Сару. В ее взгляде больше не было сомнений. Была только решимость.

– Я должна увидеть его, Сара. Я должна.

Сара, видя это пламя, эту одержимость, поняла, что отговорить ее невозможно. Она кивнула, в ее глазах читалась смесь тревоги и поддержки.

– Холодно, Мэри, – тихо сказала она. – И опасно. Но... если ты решила. Я помогу тебе.

Мэри кивнула, снова посмотрела на окурок, на стихи. Это был зов из темноты, который она не могла проигнорировать. Это был зов к той части себя, которая была полностью отдана Jerzy. И она готова была ответить.

Глава 4: Встреча с пеплом

Дорога до места назначения казалась вечностью. Мэри сидела на пассажирском сиденье машины, с Сарой, и смотрела в окно на мелькающие улицы, словно в замедленной съемке. Каждый поворот приближал ее к событию, которое могло изменить всё – или окончательно разрушить. Стихи Jerzy, напечатанные на мятой бумаге, лежали у нее на коленях, словно хрупкий амулет. Она снова и снова перечитывала строки: "мой невысказанный вопрос застрял в груди", "Я никогда не упускал тебя из виду" ... Как это возможно? Как он мог быть там, в своей анонимной тьме, и наблюдать за ней, пока она думала, что полностью одна?

Больница оказалась внушительным, серым зданием, словно чужеродный гигант, пришельцем в тихом городском пейзаже. Воздух здесь был пропитан резким, стерильным запахом антисептиков, смешивающимся с едва уловимым ароматом чего-то... металлического, болезненного. Сара, заметив напряжение Мэри, положила руку ей на плечо.

– Ты уверена, что готова?

Мэри кивнула, не отрывая взгляда от дверей. Готова ли она? Этот вопрос звучал в ее голове, но ответа на него не было. Было только чувство, что она *должна* быть там.

Они прошли через пропускной пункт, где их встретил неприветливый охранник, и оказались в коридоре. Тишина

здесь была иной, чем в доме Мэри. Это была тишина обреченности, тишина между ударами сердца, тишина, которую нарушали лишь негромкие шаги медсестер и редкие, приглушенные звуки медицинского оборудования. Сара, следуя указаниям, которые дал ей Джейси по телефону ("третий этаж, палата 312, особый случай, без лишних вопросов"), велела Мэри по лабиринту коридоров.

Каждый шаг давался с трудом. Воображение рисовало ужасающие картины, усугубляя страх. Что, если он совсем обгорел? Что, если он больше не узнает ее? Что, если его тело настолько искажено, что от прежнего Jerzy ничего не осталось?

Наконец, они остановились перед массивной дверью с табличкой "312". Сара коснулась руки Мэри, как бы спрашивая разрешения. Мэри глубоко вздохнула, чувствуя, как сжимается все внутри. Она кивнула.

Сара постучала. Открыла женщина в белом халате, с усталым, но внимательным взглядом.

– Палата 312? – спросила Сара.

– Да. Вы по приглашению?

– Да. Это... моя подруга.

Медсестра слегка улыбнулась, кивнула и открыла дверь шире.

– Проходите. Только будьте осторожны.

Мэри шагнула внутрь.

Комната была небольшая, залитая приглушенным светом.

Окна были плотно зашторены, словно кто-то хотел скрыть реальность от внешнего мира. В центре комнаты возвышалась кровать, окруженная жужжащими приборами. На кровати, укрытый до подбородка белой простыней, лежал человек. Его тело казалось неподвижным, словно статуя. Трубки, идущие от аппаратов, касались его, как паутина.

Мэри подошла ближе. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, оно сейчас пробьется сквозь грудную клетку. Она видела обгоревшие, перебинтованные участки на его лице, там, где край простыни немного сполз. Кожа была бледной, с серым оттенком. Казалось, даже дыхание его было едва уловимым.

Он – это он. Невозможно ошибиться. Даже в таком состоянии, в этой маске боли и страданий, в нем чувствовалась та же энергетика, тот же дух, который она знала. Даже сейчас.

Она сделала еще один шаг, и еще один, пока не оказалась рядом с кроватью. Не могла оторвать взгляд от его лица. Глаза были закрыты, ресницы были чуть обгоревшими. Он выглядел таким... уязвимым. Таким потерянным.

– Jerzy? – ее голос прозвучал как шепот, прерывистый, полный невысказанных эмоций.

На мгновение показалось, что ничего не произошло. Но затем... едва заметное подергивание века. Затем – тихий, хриплый вздох, который, казалось, вырвался из самой глубины его израненного тела.

– Jerzy... это я, Мэри. – Она протянула руку, дрожащую,

как будто боялась коснуться хрупкого стекла. Ее пальцы медленно, с невероятной осторожностью, приблизились к его щеке. На том участке, который был свободен от бинтов, кожа казалась тонкой, высушенной, но не испепеленной.

Как только ее пальцы коснулись его, он вздрогнул. Реакция была едва заметной, рефлекторной, но она была. Глаза его были закрыты, но теперь казалось, что он слышал. Что он почувствовал.

– Я... пришла. – Слезы потекли по ее щекам, но она их не вытирала. – Я не уйду.

В этот момент, словно из глубин долгого, мучительного сна, что-то дрогнуло в нем. От его перебинтованной руки, лежавшей на простыне, отделился мизинец. Он медленно, и с видимым усилием, шевельнулся.

Мэри почувствовала, как по ее телу пробежала волна странного, смешанного чувства – жалости, страха, но и... какого-то необъяснимого, пробуждающегося желания. Желания помочь. Желания оживить. Желания вернуть *его*.

– Я здесь, Jerzy. – Она оставила свою руку на его щеке, ощущая хрупкое тепло его кожи. – Я буду здесь.

В этот момент, в тишине этой палаты, на грани сознания, она почувствовала, как его пальцы, едва заметно, шевельнулись под ее ладонью. Это было первое, что он сделал. Первый проблеск жизни. Первый зов из пепла.

Глава 5: Воспоминания сквозь пепел

С каждым днем Мэри возвращалась в палату 312. Степильный запах больницы стал ей знаком, тишина – привычнее, а жужжание медицинских аппаратов – частью новой, пугающей реальности. Она приносила с собой не только себя, но и мир снаружи: небольшие букетики полевых цветов (которые, к ее удивлению, разрешили поставить в маленькую вазу на тумбочке), книгу со стихами, которую он любил, и, конечно, себя.

Jerzy по-прежнему лежал, укрытый простыней, но первые дни были чередой ее монологов. Она говорила ему обо всем: о выставке, о том, как ее работы вдохновлены ими обоими, о тишине, которую он оставил, и о надежде, которую он сейчас возродил. Она читала ему его собственные стихи, приглушенным, любящим голосом, и каждый раз, когда ее пальцы случайно касались его руки, лежавшей на простыне, она чувствовала, как под ее ладонью что-то едва заметно дрожит.

Его реакция на ее прикосновение была мимолетной. То самое шевеление мизинца – то появлялось, то исчезало, словно пойманный на мгновение луч света. Иногда, когда она касалась его щеки, уголок его губ словно едва заметно подергивался, но это было так незначительно, что она сама

начинала сомневаться, было ли это на самом деле. Но она цеплялась за эти крошечные признаки жизни, как за спасательный круг.

Однажды, когда она осторожно поправляла край его повязки, чувствуя тепло его кожи под пальцами, ее собственное тело откликнулось. Прикосновение к его телу, даже такому израненному, вызывало в ней странное, забытое ощущение. Желание, которое казалось немыслимым в этом месте, в этой ситуации, начало тлеть под пеплом страха и отчаяния. Она чувствовала, как ее грудь наполняется волнением, как кожа покрывается мурашками. Это было отвратительно и прекрасно одновременно. Она ощущала пульсацию его жизни – или того, что от нее осталось – под своей рукой, и это пробуждало в ней ответное, физическое волнение.

Она смотрела на его лицо, на обгоревшие губы, на закрытые веки. Если бы он только открыл глаза... Если бы он только произнес ее имя...

– Помнишь, Jerzy, – шептала она, проводя пальцем по его предплечью, ... Ты когда-то сказал, что я – твоя муза. Твоя художница. – Она прижалась щекой к его плечу, вдохнув слабый, но все еще отдаленно знакомый запах его кожи. – Ты тогда так сильно меня... желал. Я помню, как ты смотрел на меня. Как твои глаза горели.

В этот момент, когда она говорила о страсти, о желании, о взгляде, который она так хорошо помнила, он издал тихий, протяжный стон. Это был не звук боли, не звук напряжения.

Это был звук, полный тоски, словно что-то внутри него откликнулось на ее слова, на ее близость, на само упоминание об их былой страсти.

Его рука, та самая, что шевелила мизинцем, теперь словно попыталась сжать простыню. Движение было слабым, почти неощутимым, но на этот раз оно было более явным. Мэри замерла, ее дыхание перехватило.

— Jerzy? — прошептала она, снова осторожно касаясь его щеки. — Ты слышишь меня?

Он не ответил открытыми словами, но его веки дрогнули сильнее. Словно кто-то внутри него боролся, чтобы вырваться на свет. И тогда, под ее ладонью, она почувствовала. Его кожа, казалось, нагрелась. Его дыхание стало чуть глубже. А в самом сердце ее, там, где тлел огонек желания, разгоралось пламя.

Она знала, что это начало. Маленькое, хрупкое начало. Он был там, под слоями пепла и боли. И она была здесь, чтобы дожидаться, пока он полностью возродится. И, быть может, чтобы помочь ему вспомнить не только боль, но и страсть, которая связывала их.

Глава 6: Ритуал прикосновений

Больничным коридор пах антисептиком и тоской. Этот запах вьелся в кожу Мэри, стал частью её нового ритуала. Каждый день, ровно в два часа, она пересекала порог палаты 312, оставляя за спиной мир, в котором была художницей, подругой, жертвой. Здесь она была... кем? Сиделкой? Ангелом-хранителем? Или охотницей за призраком, застрявшим между жизнью и смертью?

Он лежал так же неподвижно, как и в первый день. Белые бинты сменились на розоватые, сетчатые, кое-где обнажая страшные, стянутые рубцами участки кожи. Его лицо было полем битвы, которое тело медленно, с трудом отвоевывало у огня.

– Здравствуй, Jerzy, – её голос, привыкший к тишине палаты, звучал громче. Она ставила на тумбочку небольшую ветку сирени, сорванную у входа в больницу. – Принесла тебе весну. Точнее, её запах. Помнишь, у тебя в саду были целые кущи? Ты говорил, что сирень – это душа, которая не хочет забывать о мае.

Она села на стул у кровати, скрип которого стал ей привычен. Сначала было просто сидение и молчание. Потом – монологи. Сегодня она решила на большее.

– Джейси передал твоё стихотворение, – тихо начала она, доставая из сумки тот самый потертый листок. – «Открове-

ние». Я пересчитываю его каждый день. Раньше я думала, что анонимные письма – это чья-то больная игра. А теперь... теперь я понимаю, что это была исповедь. Ты любил меня, даже не касаясь губ. Странно, да?

Её пальцы, запачканные вчерашней охрой, нерешительно повисли в воздухе. Затем она протянула руку и осторожно, кончиками пальцев, коснулась его запястья – единственного места, почти не тронутого ожогами, где пульсировала тонкая, синеватая вена.

Кожа была прохладной, почти восковой. Но под ней – живое тепло.

– Я здесь, – прошептала она, как заклинание. – Я не ушла.

Она ждала. Секунду. Две. Десять. И тогда – едва уловимое, прерывистое движение под её пальцами. Не шевеление, а скорее... вибрация. Слабый, глухой отклик плоти на призыв.

Сердце Мэри ёкнуло, забилося чаще. Это не было случайностью. Вчера – мизинец. Сегодня – пульс, откликнувшийся на прикосновение.

Она не убрала руку. Наоборот, её прикосновение стало увереннее. Она начала водить подушечкой большого пальца по внутренней стороне его запястья, медленными, гипнотическими кругами.

– Ты слышишь меня, Jerzy, – это был уже не вопрос, а утверждение, низкое, почти хриплое. – Твое тело слышит. Оно помнит.

Она наклонилась ближе, её дыхание коснулось его шеи, участка кожи у ключицы, не скрытого бинтами. Он пах лекарствами, стерильностью и... чем-то глубинным, мускусным, чисто мужским, что пробивалось сквозь все больничные запахи. Этот знакомый, забытый аромат ударил ей в голову, вызвав внезапный, острый спазм в низу живота.

Мэри замерла, от шока собственной реакцией. Перед ней был изувеченный, беспомощный человек, её спаситель и, возможно, палач в прошлых жизнях. А её тело отзывалось на него древним, животным откликом.

– Прости, – выдохнула она, но её рука так и осталась на его запястье, а взгляд прилип к его частично приоткрытым из-за отеков губам.

Она вспомнила план. *«Попытки установить контакт: разговоры, жесты, запахи. Первые, ни к чему не обязывающие, но чувственные прикосновения».*

Это было именно оно. Чувственное. Запретное. Заряженное тихой, безумной надеждой и тлеющим углем желания, которое она считала потухшим в пепле того пожара.

Внезапно его дыхание изменилось. Ровный, механический ритм, задаваемый аппаратом, спутал. Он сделал короткий, резкий вдох, как будто захлебнулся воздухом. Веки задрожали интенсивнее, под ними забегали быстрые тени.

Мэри инстинктивно сжала его запястье.

– Jerzy? – её голос сорвался.

Он не открыл глаза. Но из его горла вырвался звук. Не

стон, не слово. Нечто среднее – хриплый, беззвучный выдох, наполненный таким немым усилием, что у Мэри по спине пробежали мурашки.

Потом всё стихло. Дыхание вернулось к прежнему ритму. Напряжение спало с его лица, оставив лишь усталое безразличие сна.

Но её рука, все ещё лежащая на его запястье, чувствовала: пульс теперь бился быстрее. Неровно, взволнованно.

Она медленно, с неохотой, отвела пальцы. На месте прикосновения осталось теплое, живое пятно, а на её коже – память о его биении.

Сеанс закончился. Медсестра заглянула в палату, кивнула. Мэри встала, поправила одеяло.

– До завтра, – сказала она, глядя на его неподвижное лицо. – Мы продолжим.

На выходе из больницы весенний ветер показался ей наглым и пустым. Всё её существо было сосредоточено на одном: на том, как под её пальцами зашевелилась тень человека. На том, как её собственное тело, преданное и забытое, вдруг напомнило о себе жгучим, стыдным интересом.

Она начала свой ритуал. Ритуал пробуждения. И теперь понимала, что будит не только его.

Глава 7: География шрамов

На следующий день Мэри пришла с маслом лаванды. Старый флакончик из её арсенала для медитаций. Запах, как она читала, мог проникать глубоко в сознание, пробуждая память.

– Сегодня будет не только разговор, – объявила она, присаживаясь. Его состояние не изменилось, но в атмосфере палаты, казалось, висело тонкое ожидание. – Я хочу... лучше тебя узнать. Этот новый ты.

Она капнула немного масла себе на запястья, потеряв их друг о друга, чтобы согреть. Потом осторожно взяла его руку – ту самую, с живой веной. Её пальцы скользнули выше, к локтю, где бинты сменялись грубой, стянутой кожей.

– Не бойся, – прошептала она, хотя слова были адресованы скорее ей самой.

Кончиками пальцев она начала наносить масло на его кожу. Сначала легкими, поглаживающими движениями. Лавандовый аромат смешался с больничным запахом, создавая странный, интимный коктейль. Она сосредоточилась на ощущениях: под её пальцами рельеф шрамов, гладких и холодных, чередовался с островками здоровой, теплой кожи.

– Помнишь, как ты однажды сказал, что тело – это карта прожитой жизни? – её голос был монотонным, гипнотизирующим. – Каждый шрам – город. Каждая родинка – звезда на

небе. Я тогда посмеялась. А теперь... теперь я изучаю твою новую карту, Jerzy. Она такая... запутанная.

Её рука двинулась к его плечу, к мощному контуру ключицы, скрытому под марлей. Она чувствовала жар, исходящий от тела. Его дыхание снова стало неровным. На этот раз она не испугалась. Наоборот, внутри зажглась опасная, победная искра.

Он чувствует.

Она наклонилась ближе, её губы почти касались его уха.
– Ты здесь, – выдохнула она прямо в чувствительную кожу. – Не прячься. Я знаю, что ты слышишь. Твоя кожа горит под моими пальцами. Твоё сердце бьётся, как у загнанного зверя. Выходи. Выходи ко мне.

Её свободная рука легла ему на грудь, чуть ниже ключицы, прямо там, где под тонкой больничной рубашкой угадывался контур грудной мышцы. Она почувствовала резкий, судорожный вздох. Его тело напряглось под её ладонью, как тетива лука.

Внезапно его веки затрепетали, и его глаза – мутные, невидящие от лекарств и боли – на мгновение открылись. Они уставились в потолок, потом медленно, с невероятным усилием, повернулись к ней. Взгляд был лишён осознанности, полон животной паники и... вопрошания.

Он не видел её. Но он *ощущал* её присутствие, её прикосновения, как угрозу и обещание одновременно.

– Да, – прошептала Мэри, замирая. Её пальцы произ-

вольно сжали ткань его рубашки. – Вот так. Смотри на меня. Вернись.

Но усилие было слишком велико. Сознание, едва пробившееся сквозь туман, не выдержало. Глаза закатились, веки сомкнулись. Он издал тихий, сдавленный стон – не боли, а отчаяния – и снова погрузился в бездну.

Мэри отпрянула, как обожженная. Сердце колотилось где-то в горле. Она только что была на грани. На грани того, чтобы вернуть его. Или на грани того, чтобы сорвать что-то хрупкое, ненадежное внутри него.

Она дрожащими руками убрала масло, натянула на него одеяло. Её собственное тело было возбуждено, каждая клетка пела от адреналина и странного, извращенного торжества. Она *владела* этим моментом. Она *заставила* его откликнуться.

По дороге домой в голове звучал не голос страха, а голос одержимости, тихий и настойчивый.

«Он мой. Он всегда был мой. И даже смерть не смогла это изменить. Теперь он снова станет моим. Но на моих условиях. Я буду тем, кто вылепит его заново. Из пепла и желания».

Войдя в пустой дом, она не пошла к мольберту. Она прошла в спальню, встала перед зеркалом. Медленно, не отрывая взгляда от своего отражения, она провела ладонью по собственному горлу, затем опустила ниже, к вырезу халата, туда, где бился учащенный пульс. Там, где она только что

чувствовала его.

Она повторила те же круговые движения, что делала на его запястье. Кожа под её пальцами вспыхнула. В отражении она увидела не испуганную женщину, а ту, что была раньше. Женщину, которую желали. Женщину, которая знала силу и риск своей власти.

На следующее утро Мэри проснулась с чётким решением и странным, тягучим чувством между ног. Она не просто будет его навещать.

Она будет его собирать. По кусочку. По реакции. По вздоху. И каждый шаг его возвращения будет отмечен её прикосновением, её волей, её пробудившейся, темной и голодной силой.

Глава 8: Наблюдатель

Запах лаванды и масла теперь витал в палате постоянно, как призрак её присутствия. Мэри приходила не только днём. Иногда – поздно вечером, когда коридоры пусты, а ночные медсёстры дремали на своих постах.

В одну из таких ночей она решилась на большее. Ритуал прикосновений требовал развития. Она принесла с собой маленький портативный динамик и наушники – один из них она осторожно вложила в его ухо, свободное от бинтов.

– Я принесла тебе музыку, – сказала она тихо, устроившись в кресле так близко, что её колено касалось края матраса. – Не ту, что ставят по радио здесь. Нашу.

Она включила запись. Тихий, чувственный джаз, саксофон, томно обвивающий ритм. Тот самый альбом, что играл у них в машине той ночью, когда они впервые... Нет, она не позволит мыслям уйти туда. Пока нет.

Она наблюдала за его лицом. Никакой видимой реакции. Но его дыхание... Оно подстраивалось под ритм, становилось глубже, ровнее, словно тело узнавало знакомый паттерн на клеточном уровне.

Ободрённая, она снова протянула руку. На этот раз её пальцы не скользнули по руке, а опустились прямо на его грудь, ладонью точно над сердцем. Через тонкую ткань рубашки она чувствовала его тепло, ритмичные удары.

– Слышишь? – её голос был шепотом, смешанным со звуками саксофона из наушника. – Это твой пульс. А это – музыка. Они ищут друг друга. Найди связь, Jerzy. Вспомни, как это было... как наша кровь билась в одном ритме.

Она закрыла глаза, позволяя музыке и ощущению его тела под ладонью захватить её. Её собственное дыхание участилось. В темноте палаты, под покровом ночи, запрет таял. Её рука сжала складку ткани на его груди. В голове пронеслись образы: его руки на её бёдрах, его рот на её шее, его голос, хриплый от страсти...

Внезапно скрипнула дверь.

Мэри резко отдернула руку, как будто её поймали на воровстве. В проёме стояла новая медсестра – женщина лет пятидесяти с острым, недоверчивым лицом и табличкой «И. Волкова» на груди.

– Вы кто? – спросила она без предисловий, холодно оглядев Мэри с ног до головы. – Посещения закончились в восемь.

– Я... друг семьи, – выдавила Мэри, чувствуя, как жар стыда разливается по её щекам. – Мне разрешили...

– Кто разрешил? – Волкова перебила её, шагнув в палату. Её взгляд скользнул по динамику, по флакону с маслом на тумбочке, задержался на лице Мэри, которое, как ей казалось, кричало о её тайных мыслях. – У этого пациента нет родных в графе. Только назначенный опекун – государство. И его состояние не для... сеансов ароматерапии и музыка-

терапии.

Она произнесла последнее слово с ледяной иронией.

– Я помогаю ему, – попыталась настоять Мэри, вставая. Её голос дрогнул. – Он реагирует. Вчера он...

– Он находится в вегетативном состоянии с элементами минимального сознания, – отрезала Волкова, подходя к кровати и бегло проверяя датчики. – Любые реакции произвольны. Это не осознанный отклик, а рефлекс спинного мозга. Вы тратите своё время. И, что более важно, мешаете нашему протоколу лечения.

Молодой человек. Она не узнала её. Или сделала вид. Это было ещё унизительнее.

– Мой визит согласован, – солгала Мэри, сжимая сумку. Она не могла позволить этому сторожевому псу прервать её работу. Её миссию.

Волкова повернулась к ней, скрестив руки на груди.

– Согласован с кем? Назовите фамилию. Я проверю.

Пауза повисла в воздухе, густая и неловкая. Мэри поняла, что проиграла этот раунд.

– Я уйду, – тихо сказала она, с трудом отрывая взгляд от неподвижного лица Jerzy. Ей казалось, что в уголке его рта мелькнула едва уловимая судорога – гримаса боли или... разочарования?

– И советую больше не приходить в неположенное время, – добавила Волкова, проводя её взглядом до двери. – Для его же блага. Эмоциональные встряски ему противопоказаны.

Мэри вышла в холодный ночной коридор, дрожа от ярости и унижения. «Эмоциональные встряски». Эта женщина ничего не понимала. Она не видела, как его пульс ускорялся от её прикосновений. Не слышала изменения в дыхании. Она видела только тело, а не душу, запертую внутри.

Но страх, холодный и рациональный, уже полз по её спине. Что, если Волкова начнёт задавать вопросы? Что, если она свяжется с официальным опекуном? Или с полицией? Достаточно одного запроса, и вся её новая жизнь, её слава, её убежище – рухнут. А Jerzy... его могут перевести в другое учреждение, подальше от неё.

Она вышла на улицу, глотнула морозного воздуха. Страх боролся с одержимостью внутри неё. И одержимость была сильнее.

Она не отступит. Она станет осторожнее. Хитрее. Она найдёт способ обойти Волкову. Потому что он ждал её. Его тело ждало. Его спящее сознание тосковало по её прикосновениям. И она не собиралась его подводить.

Теперь это была не просто игра в пробуждение. Это была тайная операция. И Мэри чувствовала, как с каждым днем в ней просыпается не только художница и жертва, но и стратег, готовая на всё ради своей цели – вернуть то, что, как она верила, принадлежало ей по праву.

Глава 9: Испытание на прочность

Волкова оказалась непроходимой стеной. Все попытки Мэри прийти вне официального времени посещений пресекались с ледяной, бюрократической вежливостью. Дни стали тягучими и бесплодными. Мэри чувствовала себя отрезанной от источника своей новой, странной жизненной силы. Её раздражало всё: яркий свет в её студии, пустая тишина дома, даже заботливые звонки Сары. Единственное, что её успокаивало, – это планирование.

Она выяснила график Волковой. Четверг, с трёх до пяти, у неё было совещание у главврача. Её заменяла молодая, рассеянная практикантка, которая чаще всего утыкалась в телефон в конце коридора.

Четверг стал новой надеждой.

Мэри вошла в палату ровно в три пятнадцать. В ушах у неё стучало сердце, в руках – не сумка с маслами, а маленький, дорогой диктофон. Идея пришла ей ночью, отчаянная и блестящая. Если прикосновения пробуждали тело, то что пробудит память? Его собственный голос. Их общие воспоминания, запечатленные в прошлом.

Она придвинула стул вплотную к кровати, взяла его руку – уже без страха, с чувством собственника – и нажала кнопку воспроизведения.

Сначала была тишина, а затем – его голос. Не хриплый

шепот из больничной палаты, а тот, прежний: бархатный, уверенный, с легкой насмешкой у самого края. Голос с той самой плёнки, что она нашла в старом фотоальбоме после его исчезновения. Запись была сделана на каком-то пикнике много лет назад. Он рассказывал анекдот и смеялся.

Мэри замерла, наблюдая за лицом Jerzy. Сначала ничего. Потом – почти невидимое движение бровей. Мышца на скуле дрогнула. Его пальцы, лежащие в её руке, слабо сжались.

– Слышишь? – прошептала она, выключая диктофон. Тишина после его голоса показалась ещё более гнетущей. – Это ты. Настоящий. Тот, кем ты был. Тот, кого я...

Она не договорила. Вместо этого она наклонилась. Её лицо оказалось в сантиметрах от него. Она могла различать каждую пору на его коже, следы от нитей бинтов, тень ресниц на бледных щеках. Его дыхание, с запахом медикаментов и чего-то безлично-стерильного, касалось её губ.

Импульс был внезапным и непреодолимым. Не мысль, а чистая, животная потребность.

Она закрыла глаза и прикоснулась губами к его губам. Это не был поцелуй в привычном смысле. Это было прикосновение, исследование, попытка передать через кожу то, что не могли передать слова. Его губы были сухими, холодными, неподвижными. Но под ними... под ними пульсировала жизнь. Его дыхание перехватило. В горле пронесся короткий, сдавленный звук – не стон, а скорее глухое рычание, звук из глубины.

Она отстранилась, потрясенная собственной дерзостью. И увидела.

Его глаза были открыты.

Не стеклянно-мутные, как в прошлый раз, а сфокусированные. Дико, испуганно, но *осознанно*. Он смотрел прямо на неё. Взгляд метнулся по её лицу, скользнул по её губам, вернулся к глазам. В нём бушевала буря: паника, непонимание, вопль беззвучного вопроса... и что-то ещё. Искра. Крошечная, едва живая, но искра *узнавания*.

Он пытался что-то сказать. Его губы задрожали, сложились в немое «Кто...». Из горла вырвался только хрип, пузырящаяся слюна.

– Jerzy, – выдохнула она, и это имя наконец прозвучало в палате не как заклинание, а как прямое обращение. – Jerzy, это я. Мэри. Ты меня... узнаёшь?

Он не смог ответить. Сознание, пробившееся сквозь мглу на таком чудовищном усилии, не выдержало. Его глаза наполнились слезами – не эмоциональными, а физиологической реакцией на боль и шок. Потом веки медленно сомкнулись. Тело обмякло, сдав тяжёлый, хриплый выдох.

Но в этот раз... он не отпустил её руку. Его пальцы остались сцепленными с её пальцами, слабо, но ощутимо. Как будто в момент падения обратно в бездну он ухватился за единственный якорь.

Мэри сидела, парализованная, чувствуя холод его кожи и жар собственной крови, бушующей в висках. На её губах го-

рел отпечаток его губ. В ушах звенела тишина, нарушаемая только прерывистым звуком его дыхания.

Он увидел её. Он *посмотрел* на неё. Он попытался *заговорить*.

И всё это – после её поцелуя.

Волна эмоций накрыла её с головой. Триумф – острый, пьянящий, как наркотик. Страх – ледяной и липкий, от осознания, что она перешла черту, за которой нет возврата. И нечто третье, тёмное и влажное, что разлилось по низу живота, заставив её сжать бёдра. Возбуждение. Грубое, неприкрытое, всепоглощающее.

Он был беспомощен. Он был её пациентом, её загадкой, её... собственностью. И в этот момент его полной зависимости она заставила его откликнуться. Не просьбой, не словом, а примитивным, физическим жестом, граничащим с насилием. И это сработало.

Она медленно подняла свободную руку и провела пальцами по своим губам, как бы сохраняя ощущение. Потом её взгляд упал на их сцепленные руки – её, живую и тёплую, и его, бледную, со шрамами, но *держась*.

Голос в её голове, который раньше шептал об одержимости, теперь заговорил ясно и властно: *«Он твой. И только твой. Никто, даже он сам, не отнимет его у тебя теперь. Ты нашла ключ. И этот ключ – ты сама. Твоё тело. Твоё желание. Его к тебе»*.

Когда пришла пора уходить, она с трудом разжала его

пальцы. На прощание она снова наклонилась и, уже не сомневаясь, прошептала прямо в то место, где под тонкой кожей виска билась артерия:

– Я люблю тебя, Jerzy.

Слова повисли в воздухе, лишённые своего привычного, светлого смысла. Они звучали как клятва, как заклинание и как признание самой себе в той тёмной силе, которая в ней проснулась. Любовь ли это была? Или нечто более древнее и опасное – желание обладать, изменить, поглотить?

Она не знала. И, выходя из больницы в сгущающихся сумерках, она понимала, что уже не хочет знать. Огонь был разожжён. Игра началась. И она готова была играть до конца.

Глава 10: Расплата за искру

На следующий день Мэри не пошла в больницу. Не из страха перед Волковой, а из страха перед собой.

Её собственный дом, обычно наполненный светом и запахами красок, превратилась в камеру пыток. Каждый предмет напоминал ей о вчерашнем: диктофон лежал на столе как вещественное доказательство, отблеск солнца на стекле напоминал блеск его слезы, а тишина звенела эхом его хрипа.

Но хуже всего было её тело. Оно помнило всё с предательской точностью. Тонкую кожу его губ под своими. Шероховатость его пальцев. Тепло его дыхания. И то тёмное, влажное возбуждение, что скрутило её тогда в узел и не отпускало до сих пор.

Она приняла душ – долгий, почти ошпаривающий, – пытаясь смыть с кожи ощущение его немого вопроса, своего предательства, своей... победы? Но вода лишь усилила чувства. Вспенивая гель для душа в ладонях, она невольно представила, как эти же пальцы скользят по его груди, по шрамам, по напряжённым мышцам живота. Она прислонилась лбом к холодной кафельной плитке, позволяя воде литься по спине, и сжала зубы, чтобы не застонать.

Это было постыдно. Это было порочно. Он был беспомощен. Он был жертвой, больным, её подопечным. А она... она превращалась в ту самую тень, от которой когда-то бежала.

Она же... она *пробуждала* желание. Её поцелуй не был насилием. Он был семенем, брошенным в мёртвую почву. И почва откликнулась! Он *взглянул* на неё. Это оправдывало всё, не так ли? Ради такого результата любые средства хороши. Это была терапия. Экстремальная, интуитивная терапия отчаяния и... любви.

«Я люблю тебя, Jerzy».

Она повторяла эту фразу вслух, стоя перед зеркалом в запотевшей ванной. Её лицо было размытым, глаза – огромными и тёмными. Любила ли она его? Того, прежнего, самоуверенного красавца, который мог разбить её сердце одним небрежным словом? Да. Но того, что лежал сейчас в больнице – сломанного, немного, как чистый лист?.. Она жаждала его. Жаждала с силой, которая пугала её своей первобытностью. Она хотела не просто его выздоровления. Она хотела, чтобы он выздоровел *для неё*. Чтобы он проснулся и увидел в ней не спасительницу, а ту самую женщину, без которой его мир неполон. Чтобы его первым осознанным желанием было она.

Это и была любовь? Или это было желание играть в Бога?

Звонок в дверь вырвал её из размышлений. Сара. С лицом, полным тревоги.

– Ты не отвечала на звонки весь день. Я волновалась. Ты в порядке? – Сара вошла, оглядев беспорядок в студии (неровно стоящие холсты, недопитый холодный кофе). – Это снова из-за него? Из-за Незвестного?

Мэри кивнула, заворачиваясь в халат потуже.

— Он... стал реагировать, — сказала она, и её голос прозвучал хрипло. — По-настоящему. Он открыл глаза. Попытался заговорить.

Лицо Сары осветилось надеждой, но тут, же насторожилось.

— Мэри, это же потрясающе! Но почему ты выглядишь так, будто увидела призрака?

Потому что я *была* призраком для него, подумала Мэри. Призраком из прошлого, явившимся без спроса.

— Это было... интенсивно, — уклончиво сказала она. — И медсестра, та самая Волкова, она следит за мной. Как будто чувствует, что я что-то скрываю.

— Может, она просто хочет защитить пациента? — осторожно предположила Сара. — Его состояние всё ещё крайне тяжёлое, Мэри. Любой стресс может... Ты же понимаешь.

«Ты не понимаешь, — яростно подумала Мэри. — Ты не видела, как в нём зажглась искра. Этому нельзя мешать. Даже если для этого нужно разжечь пожар».

— Я знаю, что делаю, Сара, — прозвучало резче, чем она всегда — Он меня ждёт. Я это чувствую.

Сара взглянула на неё долгим, изучающим взглядом. Взглядом подруги, которая начинала видеть не только боль, но и фанатичный блеск в глазах.

— Ладно, — наконец сказала она, обнимая Мэри. — Я верю в твою интуицию. Но обещай мне быть осторожной. Не только

с ним... но и с собой. Ты вся на нервах. Ты сжигаешь себя.

После ухода Сары Мэри осталась одна со своими мыслями. Сара была права. Она сжигала себя. Но в этом огне она чувствовала себя более живой, чем за все годы до этого. Каждая её клеточка была настороже, каждый нерв – оголён.

Она подошла к холсту, который стоял на мольберте с неделю – набросок больничного коридора в полутьме. Взяла кисть, тюбик алой краски. Без раздумий, почти в трансе, она стала наносить на холст широкие, беспорядочные мазки. Алый превращался в багровый, затем в чёрный. Это не был коридор. Это была внутренность, плоть, рана. И посреди этого хаоса она процарапала кончиком кисти два световых пятна – два глаза, полных немого ужаса и вопроса.

Она отступила на шаг, тяжело дыша. На холсте смотрел на неё Jerzy. Не фотографически точно, а так, как она его чувствовала – душа в ловушке, кричащая изнутри сломанного тела.

Её рука дрожала. Возбуждение вернулось, острое и требовательное, смешанное с творческим экстазом. Она нашла новый источник вдохновения. Самый тёмный и самый мощный в её жизни.

«Игра с огнём» – это было мягко сказано. Она уже не играла. Она вступила в союз с этим огнём. Она кормила его своей одержимостью, а он взамен давал ей силу, ясность и эту сладкую, запретную власть.

Завтра она снова пойдёт к нему. Но теперь она знала пра-

вила своей собственной игры. Она не просто посетитель. Она – архитектор его пробуждения. И каким он проснётся, зависело только от того, какие воспоминания, какие ощущения, какие *желания* она в него вложит.

Цена могла быть любой. Она была готова заплатить.

Глава 11: Глухая стена

Дождь за окном был ровным и монотонным, словно пытался смыть весь город, но не знал, с чего начать. Сара сидела напротив инспектора Глебова – человека с усталым лицом и идеально отутюженной рубашкой под пиджаком.

«Сара, я ценю вашу настойчивость, – говорил он, аккуратно перекладывая папку с делом на столе. – И я понимаю эмоциональную вовлечённость вашей подруги. Но давайте будем реалистами».

Он откинулся на спинку стула, сложив руки на животе. Поза защитника, но не атакующего. Поза человека, который уже всё решил.

«У нас есть неизвестный мужчина, найденный на месте пожара. Без документов, в состоянии глубокой амнезии. Запросы по базам данных – ноль. Дактилоскопия – ноль. Кто он? Откуда? Мы не знаем. На него никто не подал заявление о розыске. Абсолютный ноль».

«Но пожар...» – начала Сара.

«Пожар в нежилом помещении, которое, по данным Росреестра, принадлежало юридическому лицу, ныне ликвидированному, – перебил её Глебов, как будто зачитывая давно заученный доклад. – Признаков умышленного поджога экспертиза не обнаружила. Версия – неисправность электропроводки. Максимум – нарушение правил пожарной безопасно-

сти со стороны арендатора. Кого привлекать? Призрака?»

«А студия Виктора? Там же явно что-то было!» – голос Сары звучал тоныше, чем она хотела.

«Студия фотографа Виктора, – кивнул Глебов, открывая другую папку. – Да, мы опросили соседей. Никто ничего подозрительного не видел. Никаких жалоб. Сам Виктор выехал за границу примерно за неделю до пожара. По данным погранконтроля – в Турцию. Дальше след теряется. Его студия? Аренда. В ней найдены остатки фотооборудования, химикатов для проявки плёнки – ничего противозаконного. Следов насилия, крови, признаков содержания людей против их воли – нет. Нет заявления, нет состава, нет дела».

Он закрыл папку с мягким, но финальным щелчком.

«Ваша подруга, Мэри, утверждает, что этот неизвестный и её бывший возлюбленный, пропавший полгода назад. Но заявление о его пропаже она не подавала. Почему? Её слова – это, к сожалению, не доказательство. Более того... – он сделал паузу, подбирая слова. – Более того, её активный интерес к пациенту, её частые, практически ежедневные визиты... В свете отсутствия официального родства они могут быть расценены персоналом как... назовём это, нездоровое навязчивое поведение. Я ни в чём её не обвиняю, просто констатирую возможный взгляд со стороны».

Сара почувствовала, как по её спине пробежал холодный озноб. Они не просто бездействовали. Они готовились отнести Мэри в категорию проблемных, истеричных женщин,

которым нельзя верить.

«Так что же, просто оставить всё как есть?» – прошептала она.

«Мы не «оставляем». Мы фиксируем факты. Если появятся новые данные – улики, заявления, свидетельства – дело будет пересмотрено. А пока... – он развёл руками. – А пока вашему другу (он сделал ударение на слове, подчёркивая его неопределённость) оказывается вся необходимая медицинская помощь за государственный счёт. Это, если вдуматься, немало».

Это была отточенная, безупречная логика бюрократической машины, которая не видела жертв, а видела только бумаги и формальные признаки преступления. И их не было.

Сара молча вышла из кабинета. В коридоре пахло старым линолеумом и тоской. Она чувствовала не гнев, а тяжелое, свинцовое разочарование. Она всегда верила в правила, в систему, в то, что правда, в конце концов, имеет вес. Сейчас эта вера дала трещину, и сквозь неё дул ледяной ветер безнадёжности.

Она пришла к Мэри ближе к вечеру. Застала её сидящей у окна, укутанной в плед, хотя в доме было тепло. Мэри выглядела опустошённой, глаза были красными, но слёз уже не было. Казалось, их запасы исчерпались.

«Ну?» – только и спросила Мэри, не оборачиваясь.

Сара опустилась на диван рядом, не снимая пальто. Всю дорогу она репетировала речь, подбирала слова поддержки,

но сейчас они рассыпались в прах.

«Они ничего не делают, – сказала она просто, голосом, лишённым всяких интонаций. – Ничего. Он – никто. Происшествие – ничто. Дела нет».

Мэри медленно повернула к ней голову. В её взгляде не было удивления, лишь горькое подтверждение.

«А «Хозяин»?»

«О нём они даже не слышали. И услышать не могут, потому что нет запроса, нет фактов. Только наши с тобой догадки».

Они сидели в тишине, нарушаемой только шорохом дождя за окном. В этой тишине висело страшное осознание: они были совершенно одни. Полиция отступила. Система отвернулась. Оставались только они двое – женщина с разбитым сердцем и её подруга-журналистка против тени, у которой, судя по всему, были длинные руки и безупречная система самоочистки.

«Значит, – тихо, но отчётливо произнесла Мэри, – это зависит только от нас».

Сара взглянула на неё и увидела не прежнюю потерянную Мэри, а что-то новое. В глубине этих синих глаз, за пеленой боли и усталости, зажглась крошечная, но неумолимая точка решимости. Точка, которая пугала её больше, чем отчаяние.

«Да, – ответила Сара, чувствуя, как груз ответственности опускается и на её плечи. – Только от нас. Но, Мэри... мы не полиция. У нас нет полномочий, нет защиты. Если то, что

сказала та девушка, правда, и этот «Хозяин» существует...»

«Он существует, – перебила её Мэри. – И он знает, что Jerzy жив. Иначе откуда эти намёки, эта идеальная чистота? Он вычислил меня с самого начала. Он ждёт».

«Тогда что мы можем сделать?»

Мэри отвернулась к окну, к потёкам на стекле, похожим на слезы.

«Я не знаю, – честно призналась она. – Но я не могу его оставить. Он там, за стеклом, и он... отзывается. По-своему. Медленно. Но отзывается. И если система его не защитит,... значит, это придётся делать мне».

В её голосе звучала не героическая решимость, а простая, животная необходимость. Как у матери, защищающей детёныша. Это было страшнее любых клятв.

Сара поняла, что пути назад нет. Она протянула руку и накрыла ладонью холодные пальцы Мэри.

«Значит, будем думать вдвоём, – сказала она. – Но осторожно. Как партизаны».

Они больше не были просто подругами. Они стали сообщницами. И стена, которую они увидели в полиции, была не концом. Она была только началом их настоящей войны. Войны, правила которой им ещё только предстояло узнать.

А первой битвой в этой войне, как они скоро поймут, будет битва за право просто подойти к нему.

Глава 12: Окружение

На следующий день воздух в больнице казался гуще обычного. Он пах не только антисептиком и едой из пищеблока, но и чем-то новым – холодной настороженностью.

Мэри шла по знакомому коридору, чувствуя, как на неё смотрят. Не просто мельком, как раньше, а пристально, оценивающе. Медсестра за постом опустила глаза в бумаги, когда Мэри поравнялась с ней. Двое санитаров, о чём-то тихо беседовавшие, замолчали, когда она проходила мимо.

Волкова стояла у палаты №312, изучая историю болезни. Увидев Мэри, она не кивнула, а лишь слегка приподняла бровь.

«Мэри, вы сегодня не по графику», – констатировала она голосом, лишённым прежней, пусть и формальной, теплоты.

«Я... мне нужно было», – сбивчиво сказала Мэри, чувствуя себя школьницей, пойманной за прогулом.

«Понимаю. Однако, режим посещений существует для блага пациента. Его нервная система крайне нестабильна. Избыточные внешние стимулы могут замедлить прогресс или даже вызвать регресс», – Волкова говорила ровно, глядя не на Мэри, а в бумаги. Это была не забота, это был инструктаж. «Рекомендую придерживаться утверждённых часов».

«Я буду тихо. Я просто посижу», – попыталась настаивать Мэри, но в её голосе прозвучала просьба, а не уверенность.

Волкова, наконец, посмотрела на неё. Взгляд был непроницаемым, как стерильный инструмент. «Как знаете. Но ответственность за возможные последствия будет на вас».

Она сделала шаг в сторону, пропуская Мэри к двери, но её фигура в белом халате казалась теперь не защитой, а барьером.

В палате было по-прежнему тихо. Jerzy лежал, уставившись в потолок. Но, войдя, Мэри заметила нечто, от чего у неё сжалось сердце. На тумбочке, где обычно лежали только медицинские приборы, стояла небольшая ваза с искусственными цветами. Безвкусными, ярко-розовыми розами из пластика. Кто-то уже был здесь. Кто-то, кто имел доступ.

Она машинально протянула руку, чтобы убрать их, но остановилась. Убрав, она покажет, что заметила. Что это для неё важно. Она оставила всё как есть, но цветы словно кричали в тишине, нарушая хрупкий, выстраданный ею мир этой комнаты.

Она села на свой стул, взяла его руку. Его пальцы были холодными и безжизненными. Не было и намёка на то лёгкое движение, что вчера всколыхнуло в ней бурю надежды. Казалось, он ушёл ещё глубже, отозвав даже ту крупницу связи.

«Они были здесь, да?» – прошептала она. «Кто-то был. Они прислали тебе эти уродливые цветы. Как предупреждение. И для меня».

Он не ответил. Только его грудь равномерно поднималась и опускалась под одеялом.

Мэри провела у его постели положенный час, чувствуя себя не защитницей, а мишенью. Когда она вышла, в коридоре, у окна, стоял незнакомый мужчина в белом халате. Высокий, с короткой седеющей стрижкой, он не был похож на врача. Слишком прямая осанка, слишком оценивающий взгляд, которым он скользнул по ней, будто снимая мерки. Он что-то тихо говорил Волковой, которая кивала со строгим, сосредоточенным видом. Увидев Мэри, он не отвел взгляд, а на мгновение задержал его на ней, затем кивнул – вежливо, холодно – и продолжил разговор.

По спине Мэри пробежали мурашки. Это была не паранойя. Это была проверка. И она её не выдержала, опустив глаза и ускорив шаг.

Вечером, возвращаясь, домой на такси, она заметила чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Он ехал за ними две улицы, затем повернул на той же развилке, что и её водитель. Когда такси остановилось у её дома, внедорожник медленно, не останавливаясь, проехал мимо. Номера она не разглядела – машина была грязной после дождя.

«Нервы», – сказала она себе вслух, расплачиваясь с водителем. Но внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок.

В прихожей её ждала обычная тишина. Она заварила чай, пытаясь унять дрожь в руках, и машинально проверила почту на телефоне. Спам, рассылка из магазина, уведомление из банка... и одно письмо с незнакомого адреса. Тема пустая.

Она открыла его. Ни приветствия, ни подписи. Только од-

на строка текста, набранная стандартным шрифтом:

«Некоторые истории лучше оставить непрочитанными. Ради вашего же здоровья.»

Сообщение пришло час назад.

Мэри отшвырнула телефон, словно он был раскалённым. Он мягко шлёпнулся о диван. Она стояла посреди комнаты, обхватив себя руками, и чувствовала, как её тело бил озноб. Не страх, сначала была всепоглощающая, белая ярость. Они были в её доме. В её почте. Они знали *всё*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.